

DOI 10.5862/JHSS.227.13

УДК 94(47) «1905»

Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1905 ГОДУ*

Статья посвящена истории Санкт-Петербургского университета в период революционных потрясений 1905 г. На основе анализа широкого круга источников, и прежде всего периодической печати, являвшейся мощнейшим средством формирования общественного мнения среди различных слоев населения страны, исследован вопрос о роли профессорской корпорации университета в революционных событиях. Авторы пришли к выводу, что идея автономии, за которую боролась профессура, оказалась поддержанной не только либеральной, но и правой прессой, утверждавшей в общественном мнении прямую связь между университетской свободой и стабильностью. При этом, получив автономию по Временным университетским правилам 27 августа, профессура лишь расширила список своих требований к власти, но не смогла дать отпор более радикально настроенному по отношению к правящему режиму студенчеству, что привело к закрытию университета.

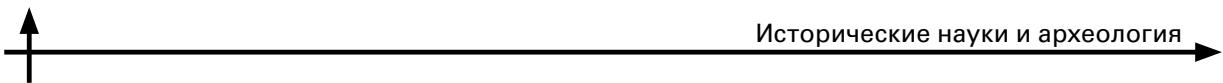
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА; ИСТОРИЯ НАУКИ; РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГГ.; РЕВОЛЮЦИОННОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Роль Санкт-Петербургского университета в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг., равно как и высшей школы в целом, регулярно привлекает внимание исследователей [См., например: 1–13]. Одновременно источниковая база большинства подобных работ не включает в себя целый ряд важных материалов. Исследователи традиционно опираются на труды участников происходивших событий – А. Дьяконова, В. Горохова и Г. Энгеля [14, 15], либо на хронику, представленную во внутривузовской документации [16]. Существенную роль играют и многочисленные архивные источники – документы Министерства народного просвещения (МНП), Министерства внутренних дел (МВД), различных политических партий, отдельных участников событий. При подобном многообразии используемых в исследованиях материалов остается практически без внимания еще один важнейший источник – периодическая печать. В рассматриваемый период пресса являлась основным средством про-

pagанды тех или иных политических взглядов и формирования общественного мнения. Не случайно как П.Н. Милюков, так и В.И. Ленин признавали решающую роль в успехе пропаганды идей своих партий за их печатными органами – соответственно газетами «Речь» и «Правда» [17, с. 25]. Только пресса могла транслировать достаточно значительной аудитории информацию о происходящих в стране событиях, именно она была мощнейшим источником формирования общественного мнения среди различных слоев населения страны.

Наиболее интересным и неоднозначно трактуемым является вопрос участия членов университетской корпорации в революционных событиях. Долгое время в отечественной историографии он оставался в тени центральной темы университетской истории – студенческого движения. Одновременно отношение к роли профессуры слишком часто подвергалось изменениям, зависевшим от идеологической конъюнктуры. Так, если для исторической науки 1930-х гг. характерен образ «реакционной профессуры», саботирующей революцию, то в 1960–1970-х гг. начинают подчеркиваться антиправительственные и либеральные взгляды подавляющего большинства представителей

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00218 «Санкт-Петербургский университет в Революции 1905–1907 гг.»).

корпорации. Попробуем преимущественно на основе материалов прессы выявить роль в революционных событиях 1905 г. различных акторов – профессуры, власти, общественности и студенчества.

Среди членов преподавательской корпорации, равно как и среди студенчества, доминировало оппозиционное отношение к власти. Наиболее ярким примером в этом плане является партия кадетов, которую иногда даже называли «профессорской». Из 54 членов ее ЦК первого созыва 22 человека (40,7 %) были представителями высшей школы, элиты русской интеллигенции. За всю историю партии в составе ее руководящего органа доля представителей академической корпорации в среднем составляла около одной трети [18].

Накануне революции трибуна университетского преподавателя всё больше становилась местом общественной пропаганды. В этом смысле, например, особенно показательны публичные лекции о Французской революции приват-доцента Е.В. Тарле, которые он читал в 1904–1905 гг. Эти лекции собирали огромную аудиторию в актовом зале Петербургского университета [19, с. 3; 20, с. 29–30]. Как известно, члены университетской корпорации приняли участие (хотя и весьма ограниченное в сравнении с членами московской профессорской коллегии) в целом ряде либеральных общественных проектов начала XX в. [См.: 21; 22, с. 64–66; 7, с. 214–219]. Например, профессор И.М. Грэвс, наряду с другими деятелями русской радикально-либеральной интеллигенции, был одним из организаторов созданного в 1903 г. в Швейцарии так называемого «Союза освобождения» [См., например: 23, с. 31]. Петербургские профессора в большинстве своем подписали (или впоследствии присоединились) известную «Записку 342» о нуждах просвещения. В ней декларировались либеральные принципы, в том числе идея «академической свободы», которая, по словам авторов «Записки», «несовместима с современным государственным строем России» [24].

Несмотря на определенные расхождения в политических взглядах, научное сообщество неизменно сохраняло способность к консолидации, особенно когда речь шла об общекорпоративных интересах. Ярким примером этого являются события 1905 г., когда в условиях не-

обходимости постоянного лавирования между требованиями властей и революционного студенчества университетское ученое сообщество последовательно отстаивало требование автономии высшей школы.

В годы революции профессура Петербургского университета воспринимала себя не только как интеллектуальную, но отчасти и как общественно-политическую элиту. В связи с этим она не могла не сочувствовать антиправительственным настроениям, охватившим значительную часть общества. Так, Профессорский совет Петроградского университета выступил с публичными заявлениями в защиту студентов, подвергнутых «избиениям полиции» 9 января и в последующие дни [16, с. 17–18]. Одновременно он постоянно откладывал решение вопроса о возобновлении чтения лекций в университете, на чем настаивала власть [16, с. 12, 16–17, 22–23, 26–31], тем самым фактически поощряя студентов к продолжению протестов и пытаясь использовать их для решения своих задач. Намного более радикальной позиции придерживались младшие преподаватели. Они были основной силой Санкт-Петербургского общества взаимопомощи лаборантов и доцентов высших учебных заведений, принявшего на собрании 16 января 1905 г. крайне резкую и почти революционную по тону резолюцию в адрес власти, организовавшей 9 января «бойню мирных граждан» [См.: 25, л. 62]. Именно приват-доценты А.Ф. Мейендорф, М.Н. Сперанский и Е.В. Тарле приняли активное участие в крупнейшей политической забастовке в университете 7 февраля, а последний был избран ее почетным председателем.

Обзор прессы показывает, что университетский вопрос находился в центре внимания прежде всего правой печати – газет «Свет» и «Новое время». В частности, в хронике «Нового времени» первой прошла информация о сходке 7 февраля [26, с. 3], в то время как официозный «Правительственный вестник» ее вообще «не заметил». На следующий день редактор «Нового времени» А.С. Суворин выразил в статье свое отношение к забастовке, отметив, что самыми замечательными там были песни и что было бы «совсем превосходно, если бы студенты пели во все время сходки и ничего не говорили» [27, с. 3]. Также публиковались письма в редакцию от представителей университета, выступав-

ших против забастовки. Так, было напечатано письмо профессора Б.М. Мелиоранского [28, с. 3] – точнее, перепечатано опубликованное в предыдущий день без подписи, подтверждающее мнение А.С. Суворина о произошедшем [29, с. 4–5].

Либеральная печать, ретранслировавшая взгляды большей части профессуры, события в университете описывала очень скучно. Из столичных газет наибольшую активность демонстрировал умеренный «Петербургский листок». Так, 26 января он сообщил о том, что некоторые профессора университета обратились к министру народного просвещения с просьбой о возвращении в университеты студентов, уволенных после 19 февраля 1904 г., ссылаясь на высочайший манифест 11 августа 1904 г. [30, с. 4]. В «Петербургском листке» информация о студенческих сходках и волнениях подавалась так, что педагогическое начальство высших учебных заведений идет навстречу желанию студентов прекратить занятия, т. е. студенты являются инициаторами данного решения, а университетская администрация всего лишь согласовывает его [31, с. 3].

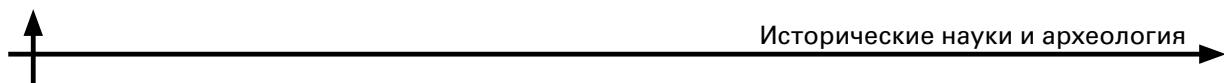
В правой печати активно начал формироваться образ преподавательской корпорации, подогревающей волнения молодежи. 19 января «Свет» сообщил, что начало занятий в весенном семестре было отложено на неопределенное время [32, с. 4], а на следующий день уже отметил, что занятия в 1905 г. вовсе не возобновятся, связывая это с заявлением профессоров в университетском совете [33, с. 4]. «Новое время» поместило информацию о собрании 105 приват-доцентов и лаборантов университета в Физическом институте 3 февраля, на котором большинством голосов было принято решение о прекращении занятий до 1 сентября [26, с. 2]. 9 февраля А. Суворин вновь обрушился на интеллигенцию с критикой: «Вся надежда молодежи и взрослых на лучшее будущее заключается в забастовках и ничего не делании. Такова уж наша интеллигенция: она хочет получить революцию или конституцию при помощи забастовок» [27, с. 3]. Подобная позиция была характерна для всех правых публицистов и политиков. Их целью было показать, что университет есть враждебное порядку учреждение, а профессура и студенчество должны быть поставлены под жесткий полицейский контроль,

как это было в 1880–1890-е гг. Наиболее ярко эти идеи выразил лидер правых В.М. Пуришкевич. Причины масштабности студенческих волнений 1905 г. он видел в поддержке студентов со стороны профессуры, которая и после событий 9 января симпатизировала радикальному студенческому движению [34, с. 27].

Постоянно менявшаяся обстановка в стране заставляла власть идти на все большие уступки обществу и вынуждала к большей умеренности в своих «карательных» действиях¹. В итоге ректор А.М. Жданов и инспектор студентов М.П. Лысцов получили лишь «высочайший выговор», а всему университету было объявлено «высочайшее неудовольствие» [36, с. 189–190], что, в свою очередь, вновь было воспринято университетской корпорацией как давление властей. В этих условиях администрация университета, и прежде всего А.М. Жданов, оказалась в трудном положении, будучи вынужденной лавировать между корпорацией и министерством. Так, с одной стороны, Жданов предпринял меры к прекращению деятельности «Санкт-Петербургского общества лаборантов и доцентов высших учебных заведений» в стенах университета, которая в январе – феврале 1905 г. стала носить откровенно антиправительственный характер², с другой стороны, в целом не отклонялся от общей позиции большинства Профессорского совета. В середине февраля 23 профессора Петербургского университета выступили с публичным заявлением о том, что они «не сочувствуют забастовке против науки, но признают нравственно невозможными для себя занятия при нынешних обстоятельствах» [Цит. по: 3, с. 118]. Ответом правительства стал высочайший указ от 16 апреля, который угрожал увольнением не только студентам, но и профессорам в том случае, если занятия не будут возобновлены осенью [39]. В правительственные сферах обсуждение этой меры носило вполне серьезный характер [40, с. 58–59].

¹ Р.Ш. Ганелин полагает, что от репрессий университет спасло изменение обстановки в стране, связанное с изданием известного рецрипта 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о созыве народного представительства [35].

² См. переписку по этому поводу между ректором и попечителем и председателем Общества приват-доцентом Н.О. Лосским [37, л. 61–74; 38].

Итак, в течение всего весеннего семестра 1904/05 учебного года университет был закрыт и «передовое студенчество с головой окунулось в революционную работу» [41, с. 164], чему профессорско-преподавательская корпорация нимало не мешала. С одной стороны, ее позиция, равно как и позиция либеральной прессы, объяснялась идеалами «университетской автономии», ставившими университет над социальными и политическими конфликтами, с другой – колебаниями, вызванными боязнью возможных последствий радикализации ситуации.

В период относительного затишья – с конца марта по июнь – интенсивность сообщений в прессе об университетской жизни существенно снижается. Дискуссии об оценке роли профессорско-преподавательской корпорации заменяются сообщениями об обсуждении возможности принятия нового университетского устава, чего явно хотела профессура. При этом наиболее активно этот вопрос вновь освещался на страницах правой печати. «Новое время» 9 марта сообщило о состоявшемся двумя днями ранее у министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова частном совещании министров, в ведомстве которых находятся высшие учебные заведения, и о том, что в настоящее время все университетские советы единогласно ответили, что они не считают «достаточно обеспеченным правильное течение академической жизни» и что окончательное решение будет принято на следующей неделе особым совещанием министров. Возможно, полагали они, тогда университеты вернутся к уставу 1863 г., дающему профессорам свободу в распределении внутреннего распорядка академической жизни [42, с. 3]. В одном из писем в редакцию «Нового времени» высказывались размышления об исходных точках реформы высшей школы – дать истинную академическую автономию, а не ту, которая была в уставе 1863 г., организовать наилучшим образом именно учебно-воспитательную часть [43, с. 3].

27 марта в либеральных «Русских ведомостях» был проанонсирован съезд представителей университетов в Петербурге [44, с. 2]. 30 марта «Новое время» рассказало о состоявшемся съезде профессоров высших учебных заведений России – было до 200 человек, большинство высказалось отрицательно о студенческих забастовках

в качестве средства политической борьбы, но при этом нашло невозможным открыть университеты до вступления политической жизни страны в нормальную колею [45, с. 3–4].

В июне 1905 г. МНП, не будучи в силах в сложившейся общественной обстановке контролировать высшую школу, выработало план введения ограниченной университетской автономии [46, с. 4]. В этом оно видело способ не только успокоить ситуацию, но и переложить ответственность за последующие события на профессуру. При этом профессорская корпорация во многом по-иному трактовала предполагаемые правила, видя в них лишь получение долгожданной свободы, самостоятельности в решении научных, учебных и административно-хозяйственных вопросов, но никак не новые обязательства. В центристской «Петербургской газете» в середине июля была опубликована заметка о ходе работы над новым уставом, однако подробности не разглашались в связи с указом министра [47, с. 5]. В заметке приводился комментарий университетского профессора, академика А.С. Фаминцына: «Университету должна быть дана полная автономия по устройству учебной и учебной части с достаточным бюджетом на потребные расходы и с ученым персоналом, настолько обеспеченным, чтобы он мог посвящать все свои силы просвещению, члены учебной университетской корпорации должны быть избавлены от ответственности за студенческие беспорядки, а равно и от надзора за студенческими учреждениями. В университете должна быть введена свобода обучения и свобода учения» [Там же].

18 августа предложения министерства были одобрены императором, 26 августа новые «Временные правила об управлении университетами» были приняты Советом министров, а на следующий день вышел высочайший указ, вводивший их в действие [См. об этом, например: 1, с. 157–158; 3, с. 126]. Эти правила восстанавливали основы университетского самоуправления, утраченные в 1884 г., включая выборность ректора и деканов [48, с. 3]. Началась эпоха «автономного университета», ставшего одним из основных центров революции в Петербурге. Во многом именно благодаря прессе во всех политических кругах это приняли с радостью. Вот что писало по этому поводу «Новое время»: «Умиротворяющая сила новых университетских

правил сказалась с быстротой, какой нельзя было ожидать: очевидно, что отсутствие самостоятельности профессорской коллегии стояло постоянным раздражителем перед студенчеством, дразнило его, как красное сукно быка. Не уважался учитель, и в этом видели себя оскорбленными ученики» [49, с. 3].

Тем не менее вопреки ожиданиям успокоения не произошло. Добившись долгожданной автономии, профессура стала активно пропагандировать идею о том, что это лишь часть реформ, необходимых как высшей школе, так и стране в целом. Либеральная пресса положительно оценивала указ от 27 августа [См., например: 50, с. 2], но одновременно замечала, что автономия не поможет, если не будет «умиротворения общественного» [См.: 51, с. 1; 52, с. 4; 53, с. 3; 54, с. 3]. Как подчеркивал новый декан юридического факультета Л.И. Петражицкий, «занятия прерывались, как вам известно, не только вследствие дефектов университетского строя. Нормальная жизнь и деятельность университетов были главным образом нарушены по причинам более глубоким, имеющим отношение ко всей политической жизни страны... От политической жизни страны, вероятно, будет зависеть и жизнь университета» [55, с. 2].

Не хотели довольствоваться лишь автономией и радикальные круги, особенно студенчество и ряд младших преподавателей, так и не допущенных к управлению университетом. Они настаивали на том, что реформа должна продолжаться и углубляться [См.: 51, с. 1; 56, с. 2; 57, с. 1; 58, с. 3; 59, с. 2–3].

Профессура, на словах сочувствуя студентам [60, с. 4; 61, с. 3], не стремилась к радикализации обстановки. В частности, серьезные опасения с ее стороны вызывал вопрос о списках профессоров, подлежащих увольнению из университета по решению революционно настроенной студенческой молодежи, и прогрессивных деятелей, которых надо было пригласить в университет. Студенты просто срывали лекции не понравившихся им профессоров. В частности, «Петербургский листок» сообщал: «20 сентября в С.-Петербургском университете на лекции профессора Георгиевского разыгрался следующий инцидент. Когда профессор явился в аудиторию и вышел на кафедру, раздались возгласы собравшихся студентов: „Бойкот! Бойкот! Бойкот!“ Профессор стал объясняться,

указывая, что он не понят студентами, что он никогда не был противником прогрессивных веяний и т. д. Тем не менее ввиду решительного протesta со стороны студентов профессор покинул аудиторию» [62, с. 2]. Похожая ситуация произошла и с философом А.И. Введенским, которому пришлось оправдываться перед студентами [63, с. 4]. Некоторым из опальных профессоров удавалось приступить к чтению лекций без последствий, некоторым не повезло, и их лекции всё равно срывали.

Либеральная печать первоначально благожелательно сообщала о политических сходках в университетских стенах [См., например: 64, с. 3; 65, с. 4; 66, с. 3]. Однако уже с середины сентября тон публикаций становится более осторожным. Начиная с 20-х чисел сентября в либеральных газетах появляются заявления о необходимости «беречь университет». Например, «Биржевые ведомости» 21 сентября дали изложение речи проф. Л.И. Петражицкого: «Нет никакого сомнения, что без лекций невозможно существование университета. Я знаю, что в сферах, от которых зависит управление университетом, существует решимость не допустить до прекращения лекций. Не касаясь мотивов, вызвавших такое решение, я, как ученый, должен сказать, что усматриваю здесь отсутствие уважения к науке. Однако не всегда наши планы осуществляются. Участие посторонних лиц в сходках заставляет меня выразить опасение за дальнейшую судьбу университета. Начальство принуждено будет закрыть его» [67, с. 2]. Профессор закончил свою речь пожеланием, чтобы этого перерыва не было, а студенчество постаралось не вызывать его, помня всегда о необходимой осторожности.

Загрыгивание профессуры с радикально настроенными студентами привело к тому, что многие из членов корпорации сами оказались под ударом. Аудитории превращались в места митингов, в которых помимо студентов принимали участие другие слои городского населения, в частности рабочие. Студенчество открыто заявляло о своем требовании стать хозяином в университете, и помешать этому «освобожденная» профессура оказалась не в состоянии.

Таким образом, именно правая печать, нагнетая атмосферу вокруг университетов, в итоге, сама того не желая, оказала профессорско-преподавательской корпорации большую

услугу. Власть увидела в предоставлении долгожданной автономии путь выхода не только из университетского, но и в определенной степени из социально-политического кризиса. Многолетняя борьба за свободу от вмешательства власти, которую вело университетское общество, окончилась успехом благодаря тому, что оно оставалось «в тени» в период революционных потрясений 1905 г. Идея университета «вне политики» поддерживалась как либеральной, так и правой прессой. Последняя, критикуя корпорацию за поддержку революционного студенчества и отказ восстанавливать занятия в университете, способствовала утверждению в общественном мнении прямой связи меж-

ду автономией и стабильностью [См. более подробный анализ прессы: 68]. Значительное влияние она оказала и на власть, в итоге пожелавшую путем предоставления автономии переложить ответственность за происходящее в университетах на профессуру, что было закреплено Временными университетскими правилами 27 августа. В результате профессура лишь расширяла список своих требований к власти, но не смогла (да, вероятно, и не хотела) дать отпор революционному студенчеству. Итогом развития этой ситуации стал революционный хаос, охвативший университет в 1905 г., что привело к его закрытию властью почти на год – до осени 1906 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковлев В.П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестн. ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. С. 157–164.
2. Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971.
3. Иванов А.Е. Университеты в России в 1905 г. // Истор. зап. Т. 88. М., 1971. С. 114–149.
4. Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975.
5. Петербургский университет и революционное движение в России / отв. ред. Н.Г. Сладкович. Л., 1979.
6. Рогозин Н.И. Политическая борьба за молодежь России. 1903–1917. М., 1989.
7. Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.
8. Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. N. Y., 1991.
9. Шевырев А.П. Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861–1905 гг. // Санкт-Петербург. ун-т в XVIII–XX вв.: европ. традиции и рос. контекст. Мат. междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 148–162.
10. Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестн. ЛГУ. 1948. № 11. С. 138–156.
11. Сладкович Н.Г. Петербургский университет в 1905 г. // Вестн. ЛГУ. 1955. № 3. С. 23–35.
12. Энгель Г.А. 1905 год и студенческое движение в Петербурге // Ленингр. ун-т в воспом. соврем. В 3 т. Т. 2 / под ред. В.В. Мавродина, В.А. Ежова. Л., 1982. С. 68–79.
13. Яковлев В.П. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестн. ЛГУ. 1980. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 19–25.
14. Горохов В., Энгель Г. Из истории студенческого движения 1899–1906 гг. СПб., 1906.
15. Дьяконов А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб., 1907.
16. Журналы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербург. ун-та за 1905 г. СПб., 1907.
17. Daly J.W. Government, Press, and Subversion in Russia, 1906–1917 // J. of The Historical Society. Vol. 9. Iss. 1. 2009. March. P. 23–65.
18. Иванов А. Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (44). Некоммерческий лит. интернет-проект «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/iv11.html> (дата обращения: 13.04.15).
19. Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.
20. Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977.
21. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. Документы и материалы. М., 2001.
22. Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX в.: общественно-политический обмен // История СССР. 1990. № 5. С. 60–76.
23. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.
24. Наши дни. 1905. 19 января.
25. Революция Общего собрания Санкт-Петербурга взаимопомощи лаборантов высш. учеб. заведений. 16 января 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182.
26. Хроника // Новое время. 1905. 4 февраля.
27. Суворин А. Маленькие письма. DLXII // Новое время. 1905. 9 февраля.

28. **Мелиоранский Б.** О прекращении занятий в высших учебных заведениях. Письма в редакцию // Новое время. 1905. 10 февраля.
29. **О прекращении** занятий в высших учебных заведениях. Письмо в редакцию // Новое время. 1905. 9 февраля.
30. **Городские** дела. Ходатайство профессоров // Петерб. листок. 1905. 26 января.
31. **Городские** дела. В высших учебных заведениях // Петерб. листок. 1905. 29 января.
32. **Хроника** // Свет. 1905. 19 января.
33. **Хроника** // Свет. 1905. 20 января.
34. **Пуришкевич В.М.** Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914.
35. **Ганелин Р.Ш.** Петербургский университет и правительственные политика: из истории студенческого движения // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989. С. 119–128.
36. **Ленинградский** университет в воспоминаниях современников. В 3 т. Т. 2 / под ред. В.В. Мавродина, В.А. Ежова. Л., 1982.
37. **Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).** Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182.
38. **Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).** Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947. По поводу постановления доцентов, лаборантов и проч. 3 февраля 1905 г.
39. **Яковлев В.П.** Николай Васильевич Крыленко // Петерб. ун-т и революционное движение в России. Л., 1979. С. 153–161.
40. **Киреев А.А.** Дневник. 1905–1910. М., 2010.
41. **История** Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969.
42. **Прекращение** академических занятий до 1 сентября // Новое время. 1905. 9 марта.
43. **Реформа** наших университетов // Новое время. 1905. 21 марта.
44. **Внутренние** известия // Русские ведомости. 1905. 27 марта.
45. **Хроника** // Новое время. 1905. 30 марта.
46. **Листок.** Университетский устав // Петерб. листок. 1905. 23 июня.
47. **Интересы** дня. К университетскому вопросу // Петерб. газ. 1905. 16 июля.
48. **Правительственные** известия // Петерб. газ. 1905. 29 августа.
49. **Розанов В.** К университетской реформе // Новое время. 1905. 7 сентября.
50. **В высших** учебных заведениях // Петерб. листок. 1905. 3 сентября.
51. **В совете** профессоров // Бирж. вед. 1905. 3 сентября.
52. **Из газет.** Наиважнейший принцип университетской реформы // Бирж. вед. 1905. 3 сентября.
53. **Из газет.** Резолюция совета петербургского университета по поводу указа 27 августа // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
54. **Эсбе.** К университетской реформе. Беседа с проф. Гезехусом // Бирж. вед. 1905. 8 сентября.
55. **У новых** деканов (Из бесед). У профессора Л.И. Петражицкого // Петерб. листок. 1905. 13 сентября.
56. **Меланхолик.** Эхо // Петерб. листок. 1905. 6 сентября.
57. **Анзимиров В.** Ненужный «институт» // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
58. **Хроника.** Распространение учебной автономии на все высшие школы // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
59. **Протей. Дневник** // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
60. **Из газет.** В каких формах желательно общение профессоров и студентов // Бирж. вед. 1905. 8 сентября.
61. **Студенческие** дела. Начало занятий в университете // Бирж. вед. 1905. 20 сентября.
62. **Листок.** Случай в университете // Петерб. листок. 1905. 21 сентября.
63. **Письма** в редакцию. Профессор Александр Введенский // Бирж. вед. 1905. 22 сентября.
64. **Хроника.** Сходка в университете // Бирж. вед. 1905. 13 сентября.
65. **Студенческие** сходки. Сходка в университете // Бирж. вед. 1905. 14 сентября.
66. **Вчерашние** сходки. Сходка студентов в университете // Петерб. листок. 1905. 14 сентября.
67. **Студенческие** дела. В СПб. университете // Бирж. вед. 1905. 21 сентября.
68. **Ростовцев Е.А., Андреева В.В.** Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. № 10. С. 3–14.

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: rostovtsev@hotbox.ru

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: chubber@yandex.ru

E.A. Rostovtsev, I.V. Sidorchuk

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY IN 1905

The article is devoted to the history of St. Petersburg University in the period of revolutionary upheavals in 1905. The research based on the analysis of a wide range of historical sources and, above all, the press as the most powerful tool for shaping public opinion among the various sectors of the country. The authors investigated the role of a professor corporation of St. Petersburg University in the revolutionary events. The authors conclude that the idea of university autonomy, the main aim of professor corporation, was supported not only by liberal but also the conservative press, which had formed in public opinion a direct link between autonomy and stability. At the same time, after adoption of Provisional Regulations on August 27 professors only expanded the list of their demands to the government. At the same time they could not fight back more aggressive students, which led to the closure of the university.

ST. PETERSBURG UNIVERSITY; HISTORY OF THE ST. PETERSBURG UNIVERSITY; HISTORY OF SCIENCE; FIRST RUSSIAN REVOLUTION, 1905–1907; STUDENT MOVEMENT IN RUSSIA.

REFERENCES

1. Yakovlev V.P. Politika tsarskogo pravitelstva v universitetskem voprose (1905–1910). *Vestnik LGU*, 1969, no. 2, pt. 1, pp. 157–164. (In Russ.)
2. Gusyatnikov P.S. Revolyutsionnoye studencheskoye dvizheniye v Rossii. 1899–1907. Moscow, 1971. (In Russ.)
3. Ivanov A.Ye. University v Rossii v 1905 g. *Istoricheskiye zapiski*. Of vol. 88. Moscow, 1971. Pp. 114–149. (In Russ.)
4. Bondarevskaya T.P. Peterburgskiy komitet RSDRP v revolyutsii 1905–1907 gg. Leningrad, 1975. (In Russ.)
5. Peterburgskiy universitet i revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii. Leningrad, 1979. (In Russ.)
6. Rogozin N.I. Politicheskaya bor'ba za molodezh Rossii. 1903–1917. Moscow, 1989. (In Russ.)
7. Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.
8. Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York, 1991.
9. Shevyrev A.P. Prazdniki neposlushaniya: studencheskiye besporyadki v gorodskom prostranstve Peterburga v 1861–1905 gg. *St. Peterburgskiy universitet v XVIII–XX vv.: yevropeyskiye traditsii i rossiyskiy kontekst. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Materials of the Int. Symp. 2009. Jun. 23–25]. St. Petersburg, 2010. Pp. 148–162. (In Russ.)
10. Pavlitskaya N.I. Peterburgskiy universitet v revolyutsii 1905–1907 gg. *Vestnik LGU*, 1948, no. 11, pp. 138–156. (In Russ.)
11. Sladkevich N.G. Peterburgskiy universitet v 1905 g. *Vestnik LGU*, 1955, no. 3, pp. 23–35. (In Russ.)

12. Engel G.A. 1905 god i studencheskoye dvizheniye v Peterburge. *Leningradskiy universitet v vospominiyakh sovremennikov*. In 3 vol. Of vol. 2. Leningrad, 1982. Pp. 68–79. (In Russ.)
13. Yakovlev V.P. Peterburgskiy universitet v revolyutsii 1905–1907 gg. *Vestnik LGU*, 1980, no. 2, pt. 1, pp. 19–25. (In Russ.)
14. Gorokhov V., Engel G. Iz istorii studencheskogo dvizheniya 1899–1906 gg. St. Petersburg, 1906. (In Russ.)
15. Dyakonov A. 1905 i 1906 gody v Peterburgskom universitete. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
16. Zhurnaly zasedaniy Soveta Imperatorskogo St. Peterburgskogo universiteta za 1905 g. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
17. Daly J.W. Government, Press, and Subversion in Russia, 1906–1917. *Journal of The Historical Society*, vol. 9, iss. 1. 2009. March. Pp. 23–65.
18. Ivanov A. Rossiyskiy uchenyy korpus v zerkale pervoy russkoy revolyutsii. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no. 5 (44). Nekommercheskiy literaturnyy internet-proyekt “Zhurnalnyy zal”. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/iv11.html> (accessed 13.04.2015).
19. Kaganovich B.S. Yevgeniy Viktorovich Tarle i peterburgskaya shkola istorikov. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)
20. Chapkevich Ye.I. Yevgeniy Viktorovich Tarle. Moscow, 1977. (In Russ.)
21. Liberalnoye dvizheniye v Rossii. 1902–1905 gg. Dokumenty i materialy. Moscow, 2001. (In Russ.)
22. Ivanov A.Ye. Professorsko-prepodavatelskiy korpus vysshay shkoly Rossii kontsa XIX – nachala XX v.: obshchestvenno-politicheskiy obmen. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 5, pp. 60–76. (In Russ.)
23. Kaganovich B.S. Russkiye mediievisty pervoy poloviny XX veka. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
24. Nashi dni, 1905, Jan. 19. (In Russ.)
25. Rezolyutsiya Obshchego sobraniya St. Peterburgskogo obshchestva vzaimopomoshchi laborantov vysshikh uchebnykh zavedeniy. 1905. Jan. 16. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv St. Peterburga*. F. 14. Op. 1. D. 9182. (In Russ.)
26. Khronika. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 4. (In Russ.)
27. Suvorin A. Malenkiye pisma. DLXII. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 9. (In Russ.)
28. Melioranskiy B. O prekrashchenii zanyatiy v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. Pismo v redaktsiyu. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 10. (In Russ.)
29. O prekrashchenii zanyatiy v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. Pismo v redaktsiyu. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 9. (In Russ.)
30. Gorodskiy dela. Khodataystvo professorov. *Peterburgskiy listok*, 1905, Jan. 26. (In Russ.)
31. Gorodskiy dela. V vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. *Peterburgskiy listok*, 1905, Jan. 29. (In Russ.)
32. Khronika. *Svet*, 1905, Jan. 19. (In Russ.)
33. Khronika. *Svet*, 1905, Jan. 20. (In Russ.)
34. Purishkevich V.M. Materialy po voprosu o razlozhennii sovremennogo russkogo universiteta. St. Petersburg, 1914. (In Russ.)
35. Ganelin R.Sh. Peterburgskiy universitet i pravitelstvennaya politika: iz istorii studencheskogo dvizheniya. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*. Of vol. 6. Leningrad, 1989. Pp. 119–128. (In Russ.)
36. Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. In 3 vol. Of vol. 2. Leningrad, 1982.
37. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv St. Peterburga. F. 14. Op. 1. D. 9182. (In Russ.)
38. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv St. Peterburga. F. 14. Op. 1. D. 9947. Po povodu postanovleniya detsentov, laborantov i proch. 3 fevralya 1905 g. (In Russ.)
39. Yakovlev V.P. Nikolay Vasilyevich Krylenko. *Peterburgskiy universitet i revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii*. Leningrad, 1979. Pp. 153–161. (In Russ.)
40. Kireyev A.A. *Dnevnik. 1905–1910*. Moscow, 2010. (In Russ.)
41. Iстория Leningradskogo universiteta. Ocherki. 1819–1969. Leningrad, 1969. (In Russ.)
42. Prekrashcheniye akademicheskikh zanyatiy do 1 sentyabrya. *Novoye vremya*, 1905, Mar. 9. (In Russ.)
43. Reforma nashikh universitetov. *Novoye vremya*, 1905, Mar. 21. (In Russ.)
44. Vnutrenniye izvestiya. *Russkiye vedomosti*, 1905, Mar. 27. (In Russ.)
45. Khronika. *Novoye vremya*, 1905. Mar. 30. (In Russ.)
46. Listok. Universitetskiy ustav. *Peterburgskiy listok*, 1905, Jan. 23. (In Russ.)
47. Interesy dnya. K universitetskому voprosu. *Peterburgskaya gazeta*, 1905, Jul. 16. (In Russ.)
48. Pravitelstvennyye izvestiya. *Peterburgskaya gazeta*, 1905, Aug. 29. (In Russ.)
49. Rozanov V. K universitetskoy reforme. *Novoye vremya*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
50. V vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 3. (In Russ.)
51. V sovete professorov. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 3. (In Russ.)
52. Iz gazet. Naivazhneyshiy printsip universitetskoy reformy. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 3. (In Russ.)
53. Iz gazet. Rezolyutsiya soveta peterburgskogo universiteta po povodu ukaza 27 avg. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
54. Esbe. K universitetskoy reforme. Beseda s prof. Gezekhusom. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 8. (In Russ.)
55. U novykh dekanov (Iz besed). U professora L.I. Petrazhitskogo. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 13. (In Russ.)
56. Melankholik. Eko. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 6. (In Russ.)

57. Anzimirov V. Nenuzhnyy "institut". *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
58. Khronika. Rasprostraneniye uchebnoy avtonomii na vse vysshiye shkoly. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
59. Protey. Dnevnik. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
60. Iz gazet. V kakikh formakh zhelatelno obshcheniye professorov i studentov. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 8. (In Russ.)
61. Studencheskiye dela. Nachalo zanyatiy v universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 20. (In Russ.)
62. Listok. Sluchay v universitete. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 21. (In Russ.)
63. Pis'ma v redaktsiyu. Professor Aleksandr Vvedenskiy. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 22. (In Russ.)
64. Khronika. Skhodka v universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 13. (In Russ.)
65. Studencheskiye skhodki. Skhodka v universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 14. (In Russ.)
66. Vcherashniye skhodki. Skhodka studentov v universitete. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 14. (In Russ.)
67. Studencheskiye dela. V SPb. Universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 21. (In Russ.)
68. Rostovtsev Ye.A., Andreyeva V.V. Peterburgskiy universitet 1905 g. v zerkale periodicheskoy pechati. *Klio*, 2014, no. 10, pp. 3–14. (In Russ.)

ROSTOVTSEV Evgeniy A. – St. Petersburg State University.

Universetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: rostovtsev@hotbox.ru

SIDORCHUK Ilya V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: chubber@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2015